

На правах рукописи

ЧЕКУШИН ВИКЕНТИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

**АВТОМИФОТВОРЧЕСТВО А.Н. ТОЛСТОГО: СЕМАНТИКА,
ПРАГМАТИКА, КОНТЕКСТ**

Направление подготовки: 45.06.01 Языкознание и литературоведение

Направленность (профиль) образовательной программы

Русская литература

НАУЧНЫЙ ДОКЛАД

Об основных результатах подготовленной научно-квалификационной
работы

Красноярск 2020

Работа выполнена на кафедре мировой литературы и методики ее преподавания федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Красноярского государственного педагогического университета КГПУ им. В.П. Астафьева»

Научный руководитель:

Кандидат филологических наук, доцент

Горбенко Александр Юрьевич

Рецензенты:

доктор филологических наук, доцент, профессор

Анисимова Евгения Евгеньевна

Кандидат филологических наук, доцент

Садырина Татьяна Николаевна

Исследование посвящено сложному феномену автомифотворчества А.Н. Толстого. Именно конструирование персональных мифов позволило писателю успешно функционировать в порой диаметрально различных социокультурных условиях: от дореволюционной России, а затем эмигрантского Парижа начала 1920-х гг. до сталинского СССР.

Актуальность исследования определяется повышенным интересом гуманитарных наук к приемам создания персональных писательских мифологий. На сегодняшний день подробно исследованы механизмы создания собственных литературных биографий как классиками, так и авторами второго ряда. При этом на данном этапе ощущается недостаточная изученность мифотворческих сценариев советских классиков. Репрезентативным примером такого рода является автомифотворчество А.Н. Толстого. Также его случай представляется продуктивным для изучения механизмов автомифологизации в целом, поскольку он регулярно и эффективно создавал и менял персональные писательские мифы. В разные исторические периоды, Толстой презентовал себя то в качестве элитарного наследника дворянской литературы, то как «демократического» гражданина, а затем и «первого после Горького» советского классика.

Целью диссертационной работы является всестороннее изучение дискурсивных и поведенческих жестов А.Н. Толстого, направленных на конструирование различных персональных мифов; их семантику, прагматику, рецепцию и реализацию в дореволюционном, эмигрантском и советском «культурных полях».

Данная цель предполагает следующие **задачи**.

1. Определить рамки понятия «автомифотворчество», разграничив его со смежным понятием «жизнетворчество».

2. Проанализировать приемы конструирования персональных мифов А.Н. Толстого, их соотношение друг с другом и преломление в художественных произведениях писателя.

3. Изучить семантику и прагматику самопроекции Толстого на фигуры И.С. Тургенева и А.С. Пушкина, реализовавшуюся в поэтике его бытового поведения, художественных, публицистических и автодокументальных текстах.

4. На материале художественных, эпистолярных, публицистических текстов Толстого и мемуарных свидетельств о нем исследовать амбивалентную стратегию самопрезентации писателя в пореволюционную эпоху.

5. Проанализировать приемы построения персональной мифологии Толстого середины 1920-х гг.,

6. Выявить эстетические и идеологические факторы, способствовавшие успеху первой части романа «Петр Первый» и ставшие основой трансформации литературной репутации Толстого в советский период.

7. Описать стратегию выживания Толстого в 1930-е гг., основанную на сочетании цинического и трикстерского модусов поведения.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые комплексно изучены и описаны стратегии самопрезентации и создания различных персональных мифов Толстого; проанализированы приемы толстовской «игры» масками, позволявшей писателю балансировать между позициями графа и гражданина; на примере открытых писем в газете «Накануне» рассмотрены приемы отказа от «старого» и конструирования нового биографического нарратива незадолго до отъезда в СССР в 1923 году; описаны приемы конструирования персонального мифа с опорой на фигуру Пушкина во второй половине 1920-х гг.; проанализированы эстетические и идеологические факторы, обусловившие успех первой части романа «Петр Первый», после публикации которого Толстой постепенно входит в пантеон советских классиков; проанализированы дискурсивные приемы создания Толстым мифа о себе как создателе нормализованного советского языка; проанализирована сложная природа толстовского автомифотворчества 1930-х гг.; введен в оборот ряд материалов, находящихся в архиве писателя в ИМЛИ РАН.

Методология исследования сочетает в себе различные методолого-теоретические подходы, которые применяются в зависимости от специфики

материала и исследовательских задач. В основу теоретической части работы легли труды по изучению поэтики бытового поведения и механизмов модернистского жизнетворчества (Ю.М. Лотман, З.Г. Минц, И.А. Паперно, О. Хансен-Лёве, А.В. Лавров, К. Эконен, А.К. Жолковский, Ш. Шахадат). Сознательное выстраивание Толстым персонального мифа обусловило обращение к исследованиям персональных литературных мифологий, созданных как крупнейшими литературными фигурами первой половины XX в.: С.А. Есенина (Д.М. Магомедова), А.А. Ахматовой (А.К. Жолковский), И.А. Бунина (К. В. Анисимов, Е.Е. Анисимова), так и менее заметными авторами – такими, например, как Г.Д. Гребенщиков (А.Ю. Горбенко). Рассмотрение функционирования и рецепции писательского мифа в социокультурном пространстве обусловило обращение к исследованиям по социологии литературы (П. Бурдьё, А.И. Рейтблат, С.Н. Зенкин, Б.В. Дубин, М. Гронас). Анализ пореволюционного конструирования Толстым собственной идентичности сделал актуальным обращение к работам Ш. Фицпатрик и Й. Хелльбека. Изучение стратегии выживания Толстого в советской литературе позволило обратиться к работам специалистов по культуре сталинского СССР (Е.А. Добренко, Х. Гюнтер, К. Кларк, К. Платт, Д. Платт, Д. Бранденбергер), а также историков (А.Л. Юрганов, А.М. Дубровский, А.Н. Артизов). При исследовании аспектов биографии и поэтики художественных, эпистолярных и публицистических текстов А. Толстого были задействованы работы как советских (И.И. Векслер, Ю.М. Крестинский, А.А. Алпатов, А. М. Крюкова, Ю.М. Оклянский, В.П. Скобелев, Л.М. Поляк), так и современных толстоведов (Е.Д. Толстая, И.Н. Толстой, Г.Н. Воронцова, А.Н. Варламов, В.В. Перхин, М.И. Свердлов, А.С. Акимова).

Теоретическая значимость работы определяется впервые представленным целостным описанием автомифотворчества А.Н. Толстого; а также особым теоретическим подходом, анализирующим приемы создания Толстым персональных писательских мифов, которые позволили писателю успешно функционировать в разных социокультурных условиях; рассмотрением

феномена толстовского успеха в поле советской литературы с новых теоретических позиций.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в научно-педагогической работе при чтении курсов по истории русской литературы первой четверти XX века, в специальных курсах по литературе русской эмиграции и ранней советской литературе, в элективных курсах старших классов общеобразовательных школ, а также в издательской практике.

Апробация работы. Основные положения диссертации были представлены на следующих научных конференциях: Международной научно-практической конференции «Русский язык и русская литература как фактор культурной интеграции Русского мира» (Красноярск, СФУ, 2016); I Международном Сибирском филологическом форуме (Красноярск, КГПУ им. В.П. Астафьева, 2016); Международной научно-практической конференции молодых исследователей «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека» (Красноярск, СФУ, 2017); Международной научно-практической конференции «Русский язык и литература в поликультурной среде» (Красноярск, КГПУ им. В.П. Астафьева, 2017); Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2018» (Москва, МГУ, 2018г.); XVIII Краевых Рождественских образовательных чтениях (Красноярск, СФУ, 2018); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Современная филология: состояние, проблемы, перспективы» (Красноярск, КГПУ им. В.П. Астафьева, 2019); Международной научно-практической конференции «Творчество В.П. Астафьева в контексте национальной истории и культуры» (Красноярск, КГПУ им. В.П. Астафьева, 2019); Международной научно-практической конференция молодых исследователей «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека» (Красноярск, СФУ, 2019); VII Международном научно-образовательном форуме «Человек, семья и общество: история и перспективы развития» (Красноярск, КГПУ им.

В.П. Астафьева, 2019). XLIII региональной научно-практической конференции «Молодежь третьего тысячелетия» (Омск, ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, 2019); Международной научной конференции «Алексей Толстой: личность в контексте эпохи» (Москва, ИМЛИ РАН, 2020); Международной научной конференции «Современная русская утопия: трансформация жанра» (Красноярск, КГПУ им. В.П. Астафьева, 2020); Международной научной конференции «I Воропановские чтения» (Красноярск, КГПУ им. В.П. Астафьева, 2020)

По теме исследования опубликовано 6 статей, из них – 4 в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов кандидатских и докторских диссертационных исследований, две из указанных работ опубликованы в журналах, входящих в базу научного цитирования Web of Science.

Положения, выносимые на защиту:

1. В разное время Толстой конструировал различные персональные мифы в основном для решения прагматических задач укрепления своего писательского авторитета.

2. Толстой двигался от образа наследника Тургенева (и шире – всей русской «усадебной» литературы) до «перековавшегося» «первого советского писателя».

3. В пореволюционные годы писатель колебался в выборе стратегии самопрезентации и «балансирует» между статусами писателя-аристократа и демократического писателя.

4. После возвращения Толстого в СССР апелляции к фигуре Пушкина стали основой при конструировании новой писательской идентичности.

5. Первая книга романа «Петр Первый» частично предвосхитила основные категории соцреалистической эстетики и идеологии, что позволило Толстому внести вклад в формирование контуров идеологического нарратива «высокого сталинизма».

б. Специфика позднего толстовского автомифотворчества определяется постоянным балансированием между цинической и трикстерской стратегиями самопрезентации.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается выбор темы работы, ее актуальность и научная новизна, определяется предмет изучения, излагается история вопроса, раскрываются теоретическая и практическая значимость исследования, формулируются цель и задачи, описываются методолого-теоретические основы работы. Кроме того, предпринимается попытка определить место А.Н. Толстого в русском литературном пантеоне и разграничить понятия «автомифотворчества» и модернистского «жизнетворчества».

В первой главе **«Формирование персонального мифа наследника Тургенева»** анализируются дореволюционные автомифотворческие практики Толстого, который для закрепления в центральной части «поля литературы» (термин П. Бурдьё) презентует себя как наследника автора «Отцов и детей».

В параграфе 1.1. **«Рецепция произведений И.С. Тургенева в ранней прозе и автомифотворчестве Толстого (цикл “Заволжье”)**» рассматриваются основные приемы «работы» с тургеньским наследием в раннем автомифотворчестве писателя.

Толстой практически с самого начала своей писательской карьеры сознательно занимался конструированием собственных писательских мифов. Молодой писатель позиционировал себя как наследника элитарной дворянской «тургеньской» традиции, хотя в реальности он прошел через определенные трудности при получении титула (эту болезненную для Толстого тему впоследствии будет педалировать Бунин). Дело в том, что мать писателя еще до его рождения ушла к мелкому дворянину Бострому. Поэтому Толстой получил титул графа только после смерти отца, который не хотел признавать его своим законным сыном из-за ухода жены из семьи. Несмотря на фамилию матери (она была урожденной Тургеньской), родство ее с автором «Отцов и детей» было

весьма отдаленным. Тем не менее, Толстой (намеренно или по ошибке) возводил свою литературную и биографическую генеалогию к Тургеневу и претендовал на статус продолжателя канона русской «усадебной прозы».

Ярким примером реализации такой стратегии стало использование Толстым псевдонима Мирза Тургень. Впервые такой псевдоним появляется в конце рукописи рассказа «Осеннее золото». Мурза Тургень – это почетный титул основателя рода Тургеневых Льва Тургенева. Такая самоаттестация позволяла Толстому установить прямую связь между собой и Тургеневым через общность с легендарным предком. Логичным завершением формирования этого мифа стало предпринятое Толстым изменение внешнего вида, который отсылал к моде 40-х годов 19 века и в то же время к персонажам его собственных произведений, большинство которых составляли представители провинциального дворянства. Вот что писала в своих мемуарах о внешности Толстого его жена Наталья Васильевна: «Длинные волосы на косой пробор, цилиндр, шинель – все было стилизовано под 40-е годы [XIX века] и, правда, в барственной осанке его было что-то несовременное, дагерротипное»¹.

Указанная стратегия самопрезентации принесла Толстому быстрый успех: цикл «Заволжье» – сборник повестей и рассказов, в основу которого легли истории из семейной хроники писателя, был высоко оценен тогдашними литературными авторитетами. Так, Горький писал критику Амфитеатрову: «Обращаю ваше внимание на графа Алексея Николаевича Толстого. Это – юный человек, сын Толстого – губернского предводителя дворянства в Самаре, родственник И.С. Тургенева: хорошая кровь!»². Важно, что в этой оценке престижное, «классическое» родство как бы автоматически наделяет произведения молодого автора высокими эстетическими качествами. Как видно из примера, Толстому удалось создать миф о себе как элитарном дворянском писателе, сформировав в сознании современников образ символического и биографического наследника Тургенева.

¹ Крандиевская-Толстая Н.В. Воспоминания. Л.: Лениздат, 1977. С. 72.

² Цит. по: Крюкова А.М. А.Н. Толстой и русская литература (творческая индивидуальность в литературном процессе). М.: ИМЛИ им. А.М. Горького, 1990. С. 142.

В параграфе 1.2. «**Апелляция к традиции как способ создания персонального мифа: рассказ “Дым”**» описаны приемы борьбы Толстого с «сильным предшественником» Тургеневым.

Несмотря на успешность выбранной стратегии, уже к началу Первой мировой войны Толстого, желавшего расширить диапазон тем для творчества, перестала удовлетворять однозначность созданного им персонального мифа. Тем не менее, кульминацией его самопроекции на Тургенева стал малоизвестный рассказ 1915 года «Дым», где Толстой предельно концентрированно обозначил свое символическое наследование традиции Тургенева: он прямо отождествлял свою личность с личностью Тургенева, во взаимодействии с которой формируется его, толстовское писательское «Я». В то же время такая явная самоирония позволила Толстому отстраненно взглянуть на весь жизненный период, когда он презентовал себя исключительно как наследника Тургенева, и с помощью пародии в итоге дистанцироваться от автора «Дворянского гнезда».

Тем не менее, сила мифа «наследника Тургенева» была настолько сильной, что отголоски восприятия Толстого в качестве современного Тургенева будут возникать практически до самой смерти писателя: об этом свидетельствуют, например, мемуары скульптора Элия Белютина, который познакомился с автором «Петра» в начале 1940-х гг.: «Его быт был очень элементарен. Очевидно, так же это было в российских помещичьих домах, с прислугой, салфетками, со всем... с чаем, с вареньем и обязательно с сахаром. <...>. Это было всегда очень вежливо и очень интеллигентная среда»³.

В параграфе 1.3. «**Преодоление мифа “наследника Тургенева”**» рассмотрены попытки Толстого избавиться от инерционного восприятия себя реципиентами как «дворянского» писателя, наследовавшего «усадебному канону».

В период 1918–1921 гг. Толстого не слишком волновали сравнения с героями «заволжского» цикла, потому что в «белой» Одессе, а затем и в

³ Андреева И.Г. «Он был мне как отец...» (из воспоминаний Элия Белютина об А.Н. Толстом // Алексей Толстой: диалоги со временем. М, 2014. С. 354.

эмиграции ему было гораздо выгоднее ассоциироваться со «старой» Россией, чтобы не вступать в конфликт с антибольшевистски настроенной культурной элитой. Новый этап «борьбы» со своим дальним предком Толстой начал незадолго до отъезда в Россию, во время работы в берлинской сменовеховской газете «Накануне». Причем, если раньше он пытался избавиться от влияния предшественника с помощью пародии и предельного самоотождествления, то с 1922 г. Толстой выбрал другую тактику. Теперь писатель сосредоточился на критике языка и стиля Тургенева. Начало этому было положено в эссе «О языке» (1922 г).

Во второй главе **«Стратегии самопрезентации А.Н. Толстого в период эмиграции»** описывается автомифотворчество писателя в 1917–1923 гг. На эти годы пришелся пик использования Толстым различных, порой противоречащих друг другу, практик самопрезентации.

В параграфе 2.1 **«“Для одних граф, для других граждан”: стратегии самопрезентации Толстого в пореволюционный период (1917–1922)»** раскрывается суть автомифотворчества Толстого периода между Февральской и Октябрьской революциями. В эти месяцы стратегия презентации Толстого стала более изощренной – он балансировал между масками «гражданина» и «графа».

Возможно, идея такой «игры» пришла писателю, когда в марте 1917 г. он получил документ о принятии на государственную службу. В нем «гражданин граф А.Н. Толстой» уведомлялся о назначении комиссаром по регистрации печати⁴. И.Г. Эренбург оставил такую запись: «Как-то он показал мне медную дощечку на двери – “Гр. А.Н. Толстой” – и захохотал. “Для одних граф, а для других граждан”»⁵. В этой цитате, в первую очередь, обращает на себя внимание прагматизм Толстого – во времена перемен в обществе он не может определиться с социальной принадлежностью и «курсирует» между

⁴ Толстой А.Н. Переписка: в 2 т. М.: Художественная литература, 1989. С. 269. Т. 1. С. 269.

⁵ Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь. Книга первая // Собрание сочинений: в 8 т. М.: Художественная литература, 1996. Т. 6: Статьи о литературе и искусстве. 1946–1967. Люди, годы, жизнь. С. 476.

привычным для него статусом графа и появившимся после революции статусом гражданина.

Однако после отъезда в Одессу и затем в эмиграции Толстой на время отказывается от амбивалентной стратегии самопрезентации, о чем свидетельствует его подпись в письме к оставшемуся в Москве А. Соболю: «Твой Алексей Толстой (граф!!)»⁶. Толстой намеренно эксплицитно презентовал себя в привычной манере – как представителя «старой» России, поэтому выделил двумя восклицательными знаками принадлежность к аристократии. В итоге вплоть до 1922 г. писатель будет позиционировать себя (и восприниматься эмиграцией) наследником классической «дворянской» русской литературы.

В параграфе 2.2 **«“Граф” vs “академик”»: стратегии литературной борьбы Толстого с И.А. Буниным»** рассматриваются приемы дискредитации Бунина, основанные на столкновении мифо-биографических нарративов.

В 1919 году, сразу после переезда в Париж, Толстой получил статус главного современного писателя русской эмиграции. Однако такое положение дел сохранялось только до появления за границей Бунина, который обладал едва ли не большим авторитетом. Между писателями началась литературная борьба, основанная на столкновении биографических мифов. Так, Толстой в риторической борьбе сознательно принижал бунинский статус академика, ставя его значимость ниже собственного титула графа. Дело в том, что, по мнению Бунина, принадлежность к сфере высокой культуры напрямую зависела от факта рождения.

«Борьба» продолжалась даже после смерти Толстого. В 1949 г. Бунин написал знаменитый очерк «Третий Толстой», где отказывал оппоненту в принадлежности к дворянской элите и активно разрабатывал тему самозванства Толстого.

В параграфе 2.3 **«Граф перед отъездом в “страну товарищей”»: автомифотворчество берлинского периода»** описаны риторические приемы

⁶ Толстой А.Н. Толстой А.Н. Переписка...Т.1. С. 269.

Толстого, начавшего конструировать «новую биографию» незадолго до отъезда в большевистскую Россию.

Примерно за год до возвращения в Советский Союз Толстой начал формировать новый персональный миф, так как ему необходимо было отделиться не только от антисоветски настроенной эмигрантской элиты, но и занять равноудаленную позицию от каких бы то ни было социальных сил. Ярким примером послужило знаменитое письмо Чайковскому, в котором Толстой фактически объявил о своем разрыве с эмиграцией и одновременно призывал признать власть большевиков на территории России.

В то же время Толстой уже отказывался возложить вину за происходящее только на «красных», поэтому использовал христианскую категорию соборности, что позволяло имплицитно подключить символику Пасхи (письмо вышло в апреле 1922 года): «Все, мы все, скопом, соборно виноваты во всем совершившемся. И совесть меня зовет не лезть в подвал, а ехать в Россию и хоть гвоздик свой собственный, – но вколотить в истрепанный бурями русский корабль. По примеру Петра»⁷.

Параллельно Толстой преувеличивал степень собственных мучений в эмиграции: «Я представляю из себя натуральный тип русского эмигранта, то есть человека, проделавшего весь скорбный путь хождения по мукам. <...>. Я <...> с семьей страдал ужасно»⁸.

Такой прием позволял писателю с одной стороны максимально эксплицитно рассказать советской аудитории о своих муках, а с другой придать своему «отступничеству» в глазах эмиграции черты религиозного мученичества с помощью скрытого обозначения сходства своего положения с сюжетом казни и последующего воскресения Иисуса Христа.

Однако такая риторическая стратегия принесла успех лишь отчасти – сразу после возвращения Толстого в СССР против него началась обширная кампания, прежде всего в пролетарской критике. Представители РАППа и

⁷ Толстой А.Н. Открытое письмо гр. А. Толстого Н.В. Чайковскому // Накануне. 1922. № 17. С. 2.

⁸ Там же.

ЛЕФа по-прежнему воспринимали писателя как наследника дворянской традиции, несмотря на начатую им критику Тургенева.

В третьей главе **«От попутчика к советскому классику: автомифотворчество А.Н. Толстого середины 1920-х – 1930-х гг.»** проанализированы причины, позволившие Толстому после смерти Горького занять место главного писателя сталинского СССР.

Параграф 3.1. **«На “перевале”: апелляция к пушкинскому мифу как способ закрепления в поле советской литературы середины 1920-х гг.»** посвящен автопроекциям Толстого на фигуру автора «Медного всадника».

Апелляции к пушкинскому наследию начали регулярно возникать в публицистике Толстого сразу после его возвращения в СССР в 1923 г., что совпало с объявлением советской властью установки на сохранение культуры прошлого. Так, Толстой выпустил несколько статей в рамках ключевой дискуссии середины 1920-х гг. – дискуссии о стиле новой постреволюционной литературы. В них он предлагал создать новый художественный метод «монументальный реализм». Для придания значимости своим теоретическим воззрениям Толстой и использовал авторитет Пушкина. Это позволяло создать эффект наследования: статья являлась как бы продолжением мыслей Пушкина, а, значит, претендовала на большую значимость. Развиваемые далее тезисы теперь становились как бы «подсвеченными» пушкинским авторитетом.

Основу параграфа 3.2 **«От попутчика к советскому классику: “Петр Первый”»** составляет описание факторов, обусловивших успех Толстого в начале 1930-х гг.

Статус Толстого в советской литературной иерархии начал резко расти в начале 1930-х гг., чему способствовала публикация первой книги «Петра Первого». Дело в том, что в этом романе Толстой сумел предвосхитить и отчасти сформировать основные компоненты сталинского исторического нарратива. Отметим самые важные из них: 1) Эклектичность используемых исторических концепций. 2) Признание роли личности в историческом

процессе. 3) Частичное сближение петровских реформ с начавшейся индустриализацией, а также перманентное присутствие в романе темы заговора. Неслучайно поэтому, что именно «петровский» проект принес писателю успех в СССР.

После успеха первой части эпопеи Толстой в своей публицистике снова обратился к фигуре Пушкина. Общее между собой и классиком он находил не столько в обращении к теме Петра, сколько в работе над историческими материалами. По мысли Толстого, Пушкин знакомился с документами пугачевского бунта и создавал новый язык на основе народного, ломая тем самым перегородку между «академическим» и заимствованным языком «верхов» и «живым» языком «низов».

Толстой подобно предшественнику, тоже «изобретает» язык на основе народного, только используя другую историческую основу – пыточные акты петровского времени. Такое сходство позволяет ему выстроить следующую схему преемственности: «народный язык» с тысячелетней историей – Пушкин (вершина, изобретатель «нового языка») – Толстой (автор, который «впитал» эти традиции и на их основе создал «новый» нормализованный советский литературный язык). При таком подходе Толстой фактически претендует на роль «нового Пушкина», участвуя в создании нового языка, а, следовательно, и новой советской соцреалистической литературы на его основе. В такой конфигурации писатель не просто «впитывает», но и модернизирует пушкинское наследие, превращаясь в классика новой, советской, эпохи.

Описанные приемы построения персонального мифа приводят к успеху: статус писателя в литературной иерархии постоянно растет. Не случайно, что на похоронах Горького Толстой вместе со Сталиным несет гроб писателя, как бы «перехватывая» лидерство у главного классика советской литературы.

В параграфе 3.3 **«Между циником и трикстером: стратегия выживания А.Н. Толстого в 1930-е гг»** рассматривается позднее автомифотворчество писателя.

В целом автобиографичность Толстого 1930-х гг. балансировало между цинической и трикстерской линиями поведения. С одной стороны, в своих публицистических и художественных текстах писатель способствовал утверждению политического курса Сталина. Например, он регулярно публиковал статьи с жесткой критикой «троцкистско-зиновьевской» оппозиции. Приведем цитату из статьи «Высшая кара и проклятие»: «Талейраны, Фуше, Азефы – предатели, шпионы, провокаторы – все это мелкие укусы по сравнению с глубоким предательством Троцкого, Зиновьева, Каменева и их группы. Преступники сознательно шли на физическое уничтожение вождей партии и в первую очередь Сталина»⁹. В 1936 г. писатель издал повесть «Хлеб», где преувеличивалась роль Сталина в успехе в одной из важных военных операций Гражданской войны – обороне Царицына.

С другой стороны, Толстой регулярно устраивал поведенческие спектакли, направленные на пародирование господствовавшей во второй половине 1930-х годов национально-патриотической идеологии. Примерно в это же время Толстой травестировал важный для выживания в 1930-е гг. процесс публичного покаяния, примером чему, служат впечатления сотрудников госбезопасности от выступления писателя на собрании по борьбе с формализмом в 1936 г.: «Толстой полностью согласился с официальным мнением, что формализм – это плохо, признался, что сам в своих ранних произведениях был формалистом, но делал он это в такой живой и веселой манере, что скорее развлекал, а не поучал собравшихся, тем самым переводя все дело в разряд тривиальных»¹⁰.

Как правило, Толстой совершал такие поступки на периферии советского культурного поля: в провинции либо за границей. Кроме того, их появление не было системным, что может говорить об отсутствии притязаний Толстого на реальный подрыв официозного дискурса. Однако, несмотря на вышесказанное, в условиях политической напряженности такое поведение могло осложнить

⁹ Толстой А.Н. Полное собрание сочинений: в 15 т. М.: ГИХЛ, 1949–1953. Т. 13. С. 146–147.

¹⁰ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е / Пер. с англ. Л. Панфиной М.: РОССПЭН, 2008. С. 200.

выживание писателя (к тому же имевшего небезупречную с точки зрения власти биографию) в годы террора.

Нет сомнений в том, что за одним из главных советских авторов, имеющим возможность выезжать за границу, велся постоянный надзор. О пристальном внимании к Толстому говорят опубликованные стенограммы и донесения, где фиксировались его реплики. Имевшийся риск осознавал и сам писатель. Исследователь биографии и творчества писателя, его внук Иван Никитич Толстой пишет, что осенью 1944 года дед «в исповедальном и прощальном разговоре с сыном Никитой <...> сказал, что, по словам НКВДешнего чина, на него было к 1941 г. написано две с половиной тысячи доносов, и только грянувшая война смешала все карты»¹¹.

В **заключении** подводятся итоги, формулируются основные выводы и намечаются перспективы исследования. Перспективным может стать изучение приемов создания Толстым персонального мифа основателя нового «советского эпоса». Его писатель конструировал во второй половине 1930-х гг. Кроме того, продуктивным может стать сопоставление приемов построения персональной мифологии Толстого и других авторов, успешно функционировавших в дореволюционной или эмигрантской культурных ситуациях, а затем ставших успешными в СССР. К их числу можно отнести И.Г. Эренбурга и В.П. Катаева.

¹¹ Толстой И.Н. Скрытое селфи: записки неакадемического читателя // Алексей Толстой: диалоги со временем. Вып. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 97.